

В. В. СЕДОВ

ЯЗЫЧЕСКАЯ БРАТЧИНА В ДРЕВНЕМ
НОВГОРОДЕ

Братчина — общинный праздничный пир. В этом смысле она не раз упоминается в древнерусских письменных источниках¹. Этнографами XVIII—начала XX в. братчина неоднократно наблюдалась и была описана в различных местностях России как у русского, так и у нерусских народов². Эти коллективные трапезы, судя по этнографическим описаниям, носили, как правило, религиозный оттенок. Обычно они устраивались в день какого-либо христианского святого, поэтому иногда их еще называли мольбами, а в Белоруссии — никольщинами, так как они совершались в Николин день. Между тем все исследователи единодушно признают, что братчины ведут свое начало от языческой эпохи, являются пережитками языческих пиров. Христианская религия приурочила общинные праздничные пиры к дням отдельных христианских святых. Об этом живо свидетельствуют письменные источники. В большей части грамот, где говорится о братчинах, непосредственно за словами об этих пирах идут описания плясок, игр, гаданий, скоморохов, которые сопровождали эти пиры³.

Судя по этнографическим сведениям, неотъемлемой частью каждой братчины являлись медовый напиток или пиво, приготовленные из продуктов, собранных со всей общины. Обрядовый братчинный напиток пили из специальных деревянных ковшей. Иногда употреблялся один общинный ковш, из которого все участники пили по очереди. В обиходе такими ковшами не пользовались; они хранились обычно до следующей братчины.

Повидимому, отражая давнее значение той или другой отрасли хозяйственной деятельности группы населения, братчины подразделялись на скотоводческие, земледельческие, пчеловодческие и охотничьи. У восточных славян этнографами отмечены только три первых вида, причем наиболее были распространены братчины, связанные с земледелием и пчеловодством.

Обязательной частью скотоводческой братчины являлось жертвенное животное (бык или баран), которое перед пиром откармливалось сообща всеми его участниками. Жертвенное животное убивалось, его варили и поедали торжественно, с особыми обрядами. Связь скотоводческой братчины

¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, СПб., 1893, стр. 174, 175. Все данные письменных источников о братчинах собраны в статье А. Попова «Пир и братчины» — Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Качаловым, кн. 2, пол. 2, М., 1854, стр. 19—41.

² Краткая сводка данных о братчине по этнографическим материалам приведена в статье Д. К. Зеленина «Древнерусская братчина, как обрядовый праздник сбора урожая», отд. оттиск, 1926.

³ А. Попов. Указ. соч.

с язычеством обнаруживается особо ярко. В ряде районов распространено поверие о магической силе костей жертвенного животного. После братчинного пира кости жертвенного животного закапывали в землю, считая, что они приносят богатство, а иногда их закапывали в хлев, чтобы не переводился скот.

Для братчины земледельческой обязательны обрядовые блюда — пиво и растительная пища. В южных и западных областях Восточной Европы лучше всего сохранились обряды, связанные с пчеловодческой братчиной. Для нее обрядовым блюдом был медовый напиток, жертвой — воск. Христианская церковь жертвенный воск превратила в жертвенную свечу (братская свеча)¹.

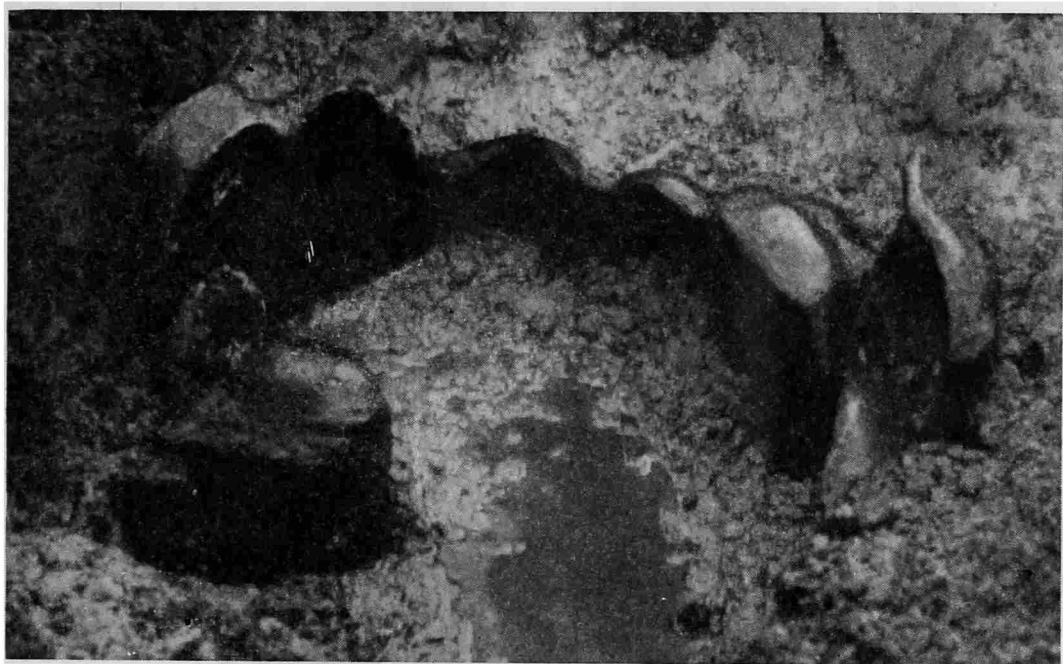

Рис. 49. Место находки жертвенных чаш (деревянных ковшей).

В ряде мест б. Смоленской и Калужской губерний братская свеча изготовлялась в виде человека. В отдельных местах до недавнего времени воск в обряде братчины был представлен в виде кусков «воскового хлеба»².

В последнее время для выяснения ряда важных вопросов языческой религии восточных славян большую роль сыграли археологические раскопки. При раскопках в Неревском конце Новгорода найдены некоторые предметы, связанные с язычеством; изучение их позволит осветить темные стороны древних верований славян. Около Новгорода, в Перыни, открыты и исследованы остатки древнерусского языческого святилища. В 1953 г. в Новгороде, при раскопках в Неревском конце слоя 1-й половины X в. (на глубине 6,2 см), недалеко от будущей Великой улицы было открыто жертвоприношение³, имеющее непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.

После снятия нижнего пласта культурного слоя в материке открылась яма, круглая в плане (диаметром 0,6 м), с отвесными стенками (глубина 15 м) и горизонтальным дном. Яма была вырыта до того, как здесь начал образовываться культурный слой. В ней были расположены полукругом, вдоль

¹ И. Сцепуржинский. Братская свеча (этнографический очерк). «Странник», СПб., 1877, январь, стр. 150—153; В. Добровольский. Значение народного праздника «свечи». «Этнографическое обозрение», 1900, № 4, стр. 35—51.

² Д. К. Зеленин. Указ. соч., стр. 135.

³ А. В. Арциховский. Раскопки 1953 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 111.

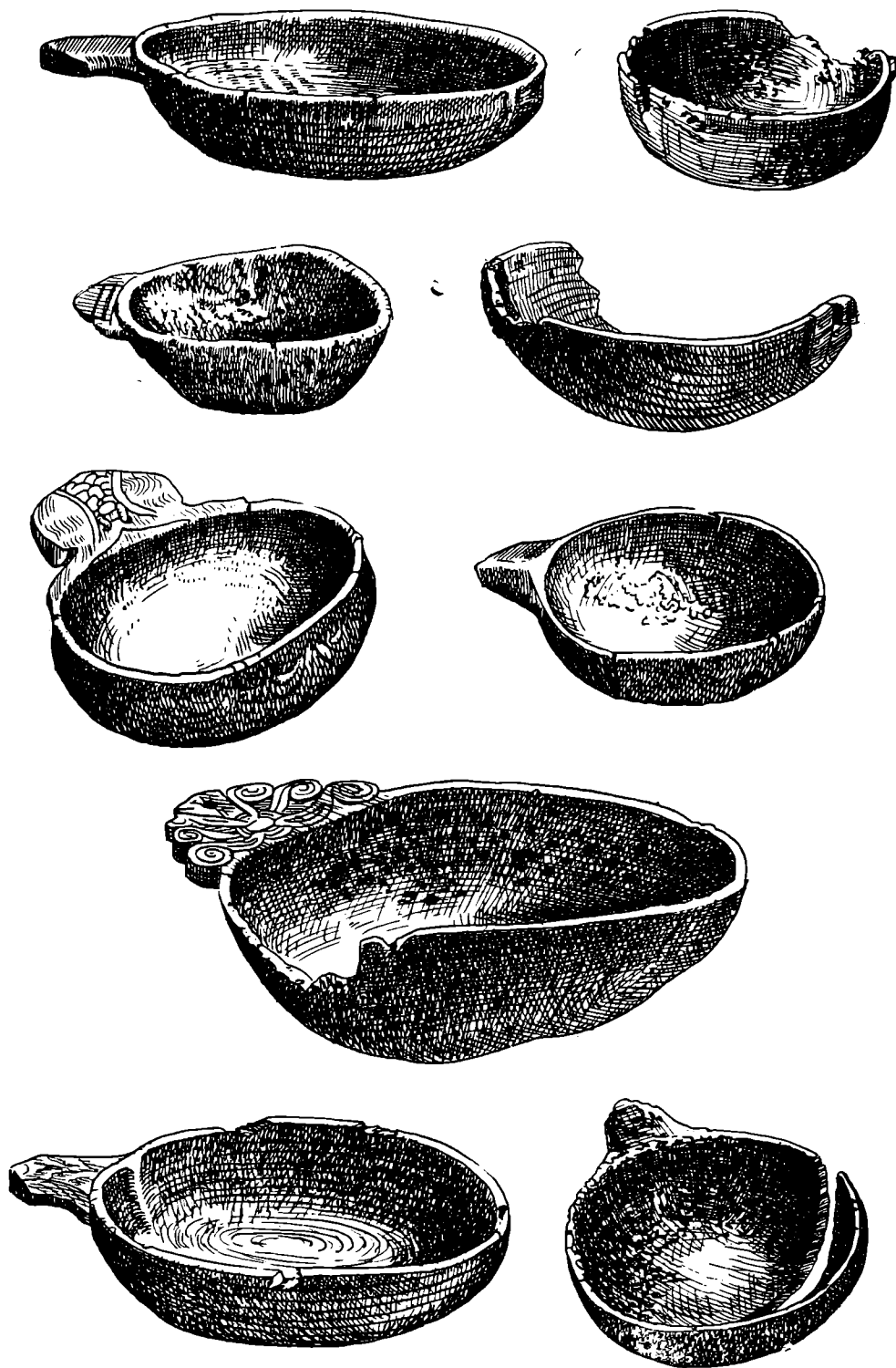

Рис. 50. Деревянные ковши.

западной стенки, 7 деревянных ковшей, поставленных на ребро и обращенных днищами к стенке. Как бы продолжая полукруглость, образованную ковшами, около южной стенки ямы были вертикально поставлены 2 куса воска, имевшие форму правильных полукругов (один диаметром 15,5 см и толщиной 5,5 см, второй имел 14 см в длину при ширине от 2,5 до 4,0 см). Кроме того, 2 ковша, опрокинутые вверх дном, лежали в середине ямы (рис. 49).

Перед нами — несомненное жертвоприношение языческой эпохи. Оно было совершено, нужно думать, первыми поселенцами этого района Новгорода. Деревянные ковши и куски жертвенного воска — неотъемлемая часть пчеловодческой братчины — позволяют считать, что это остатки такого языческого пира. Повидимому, 9 семей перед поселением в данном месте устроили братчинный пир. Совершая обряд, они принесли в жертву богам 9 ковшей (рис. 50) с обрядовым напитком и 2 восковых «хлеба», поместив их в специальную яму. Жертва была совершена для приобретения богатства на новом месте жительства. С той же целью при скотоводческой братчине помещались в землю кости жертвенного животного.

Следует обратить внимание на положение братчинных ковшей и кусков воска. Располагаясь по полуокружности, все 7 ковшей внутренней стороной были обращены на восток, навстречу лучам восходящего солнца. Такое положение, повидимому, типично для славянских языческих жертвенников.
